

/ ложности высказываний, описывающих физическое и эмоциональное состояние человека, в немецком языке / Т.В. Лукина // Гуманитарные науки. Филология: Вестник ТГУ. – Вып. 6 (50). – 2007. – С. 256-260.

3. Робертус М.М. Характеристика лица в современном немецком языке: Дисс. ... канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / Робертус Майя Михайловна. – М., 2005. – 210 с.

Ж. Багана, Ю.С. Блажевич

К ВОПРОСУ О БИЛИНГВИЗМЕ И ДИГЛОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Билингвизм – эта одна из центральных проблем современных лингвистических и междисциплинарных исследований. Под билингвизмом часто понимают «практику попеременного пользования двумя языками» [6: 22]. Это определение и сегодня считается общепринятым и отождествляется многими лингвистами с понятием «двуязычие». Однако, по мнению лингвиста Э. Хаугена, определение Вайнрайха является недостаточно точным по следующим причинам:

- оно не уточняет степень владения языком
- не поясняет, каков диапазон различия между этими языками
- каковы условия, в которых оба языка употребляются.

Другими словами, в определении Вайнрайха не уточняется, что употребление двух языков происходит в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. В этой связи лингвисты предлагают понимать под билингвизмом «владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой *в зависимости от ситуации общения*» [9: 3].

Можно также рассматривать данное явление как «способность отдельного индивидуума, или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках», как предлагает В.Н. Ярцева [2: 9].

Ситуацию билингвизма можно констатировать при любой попытке говорящего выйти за пределы одного языка (диалекта) и изъясняться с помощью другого языка, однако при этом возникает необходимость разграничивать билингвизм и цитацию. Последняя представляет собой лишь иноязычную орнаментацию речи монолингва, при этом употребляемые им варваризмы существуют как готовые цельные блоки, которые в его речи образуют фрагменты, не обладающие для самого говорящего внутренней структурой (морфологической или синтаксической). Такие блоки не создаются в процессе производства речи, а лишь инкрустируются в речь [8: 161].

Иными словами, более расширенное понимание билингвизма предполагает не просто употребление иностранных элементов, а построение их в про-

цессе производства речи, при этом совсем не обязательно производимые билингвом фразы должны быть абсолютно правильными с точки зрения второго языка, т.е. можно считать билингвизмом «умение творчески строить свою речь, принадлежащую вторичной языковой системе» [7: 22–23].

В современной лингвистике существует узкий и широкий подход к пониманию билингвизма. В узком понимании это – «более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; в широком смысле – относительное владение вторым языком, умение в том или ином объеме пользоваться им в определенных сферах общения» [10: 3–12].

По мнению У. Вайнрайха, сравнительная степень владения двумя языками у одного и того же говорящего вообще не может быть сформулирована в чисто лингвистических терминах. Это один из тех многочисленных аспектов двуязычия, для исследования которых необходимо сотрудничество с психологией и общественными науками [5, 1972].

По мере того, как развивается наука и возникают новые научные идеи и подходы, предпринимаются все новые попытки охарактеризовать данное явление с их применением, что можно проследить на примере эволюции взглядов на проблему овладения вторым языком. Так, например, бихевиористские теории 1950-1980-х годов объясняли овладение вторым языком в соответствии с общими законами влияния разных факторов на человеческое поведение (имитация, опыт, пробы и ошибки). Нативисты (1960-1990-е годы) считали, что существует врожденная универсальная грамматика, благодаря которой человек понимает, как функционирует язык, что позволяет выделять в потоке поступающего языка важные параметры и использовать их при конструировании языка. К настоящему времени эта теория потеряла свое значение, произошла переориентация на когнитивно-психологические свойства человека, позволяющие распознавать значимые признаки и осуществлять коммуникацию при помощи выделенных лингвистических параметров. Тем не менее, полностью процесс овладения вторым языком и функционирования нескольких языков у индивидуума еще не раскрыт [1: 22].

Необходимо отметить, что двуязычие и многоязычие также выступают одним из важнейших факторов, влияющих на развитие национального негомогенного языка, способствуя его вариативности в определенной территориальной и социальной среде. К этому фактору иногда прибавляется фактор диглоссии в пределах одного из контактирующих языков.

Термин «диглоссия» греческого происхождения и этимологически имеет то же значение, что и билингвизм. Первым данный термин употребил французский лингвист Ж. Псишари (1928) для того, чтобы охарактеризовать социолингвистическую ситуацию в Греции. С 1959 года его авторство приписывают С.А. Фергюсону, который стал использовать данный термин в строго определенном смысле: «две или более разновидности одного и того же языка, используемых некоторыми говорящими при различ-

ных обстоятельствах» или «две разновидности языка, сосуществующие в данном коллективе, каждая из которых играет определенную роль» [11: 116]. При этом одна разновидность может обладать более «высоким» статусом, а другая – более «низким».

В то же время в ряде работ термин «диглоссия» приобретает иное значение. Так, в трудах американского социолингвиста Дж. Фишмана (1971) этот термин используется для того, чтобы отделить в феномене билингвизма индивидуальный аспект – человека, говорящего на нескольких языках, от социального аспекта – сосуществования нескольких языков или их вариантов в пределах страны, региона или общности. Иными словами, в его трактовке билингвизм – индивидуально-психологический феномен, а диглоссия – понятие социологическое.

В дальнейшем Дж. Фишман приходит к выводу, что возможны три типа отношений между билингвизмом и диглоссией:

1) только билингвизм (два языка равны и имеют официальный статус; для общества в целом необычно наличие большого числа индивидов, имеющих два родных «первых» языка, но отнюдь не необычно использование более чем одного языка в процессе повседневной социальной интеракции);

2) только диглоссия (необходимым условием такой ситуации представляется существование относительно жесткой социальной системы, в которой принадлежность к определенной группе достигается благодаря рождению и не может быть утрачена);

3) сочетание билингвизма и диглоссии (ситуация, при которой значительная часть населения может оперировать более чем одним общественно признаваемым кодом, при этом имеется не только функциональное распределение между кодами, но и согласие относительно того, что один из них должен оцениваться выше, чем другой; ситуация билингвально-диглоссных речевых общностей имеет важное последствие в отношении языкового планирования вообще и образования в частности).

В современной лингвистике диглоссия обозначает такую форму владения двумя самостоятельными языками или подсистемами одного языка, при которой эти языки и подсистемы распределены функционально. Например, в официальных ситуациях: законодательстве, делопроизводстве и переписке между государственными учреждениями используется официальный (или государственный) язык, если речь идет о многоязычном обществе, или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон [3 : 59].

В отличие от билингвизма диглоссия предполагает оценку говорящими своих идиомов по шкале «высокий-низкий» [8:136]. Диглоссия – основная форма состояния языка, т.к. каждый индивид принадлежит одно-

временно к нескольким разным коллективам и может пользоваться разными языковыми подсистемами. «Важным условием при диглоссии является то обстоятельство, что говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют то из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации. Из этого ясно, что двуязычие не обязательно сопровождается диглоссией – хотя и редко, но языки билингва могут никак не распределяться в соответствии с коммуникативной ситуацией. Кодовый репертуар одноязычного индивида может быть чрезвычайно ограничен, и в различных коммуникативных ситуациях он будет использовать одну и ту же языковую подсистему. В этом случае можно говорить о его моноглоссности» [3: 59].

Литература

1. Багана, Ж. Контактная лингвистика / Ж. Багана. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 140 с.
2. Багироков, Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков) / Х. З. Багироков. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. – 234 с.
3. Беликов, В. И. Социолингвистика: учеб. пос. для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 439 с.
4. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – 159 с.
5. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. С. 25 – 60.
6. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев: Вища шк., 1979. – 263 с.
7. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия [Текст] / Е. М. Верещагин. – М., 1969. – 160 с.
8. Виноградов, В. А. Лингвистика и обучение языку / В. А. Виноградов. – М.: «Academia», 2003. – 370 с.
9. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика / В. Ю. Розенцвейг. – Л., 1972. – 80 с.
10. Филин, Ф. П. О свойствах и границах литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. – 1976. – №6, – С. 3 – 12.
11. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы / А. Д. Швейцер. – М., 1977. – 176 с.